ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ БОБРИНСКІЙ.

I.

Пріятели графа А. А. Бобринскаго—а ихъ много — были на-дняхъ неожиданно поражены извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ его, послѣдовавшей въ Смѣлѣ, помѣстьи, ему принадлежавшемъ, въ Кіевской губерніи. Электрическая сила телеграфа, такъ же внезапная и быстрая, какъ и самая смерть, не даетъ времени ни приготовиться къ удару, ни опомниться. Разомъ ошеломитъ она мысль и сердце: и тутъ же страшно замолкнетъ. Сердце ожидало бы и требовало бы дальнѣйшихъ подробностей и объясненій—конечно, не къ утѣшенію своему, но къ полному сознанію своей скорби и своего несчастія. Напрасно! Суровый лаконизмъ телеграфа остается безжалостенъ.

Въ кончинѣ графа мы всѣ понесли сердечную и незабвенную утрату. Онъ былъ одна изъ благороднѣйшихъ и въ высшей степени сочувственныхъ личностей нашего времени. О скорби семейства его и говорить нечего. Онъ былъ связью и душою его. Онъ былъ не столько старшимъ и высшимъ звѣномъ въ семейномъ кругу своемъ, сколько свѣтлымъ средоточіемъ, къ которому стекались, къ которому свободно, дружно и крѣпко примыкали всѣ живыя, всѣ нравственныя силы, всѣ чувства, вся любовь этого семейнаго круга. Въ сыновнемъ почтеніи,

въ сознательной уступчивости, въ нѣжныхъ заботахъ, которыми былъ онъ окруженъ, было что-то и дружеское и братское. Онъ казался старшимъ братомъ сыновей своихъ. Онъ съ ними молодѣлъ, они съ нимъ созрѣвали и мужали. Можетъ быть, не безъ основанія нѣкоторые замѣчаютъ какое-то ослабленіе семейныхъ узъ, которыя встарину были туго стянуты. Въ этомъ свободномъ и домашнемъ равновѣсіи, на которое мы указываемъ, не должно искать ни обезсиленія этихъ узъ, ни дѣла случая. Здѣсь заключались начала болѣе нравственныя и назидательныя. Кромѣ природныхъ сочувствій здѣсь ясно были видны слѣды и плоды воспитанія. Подобныя семейныя отношенія, разумѣется, приносятъ большую честь дѣтямъ; но, скажемъ искренно, приносятъ еще болѣе чести родителямъ, которые умѣли (здѣсь идетъ рѣчь *о сердечномъ умѣніи*) зародить въ сердцахъ дѣтей своихъ эти отношенія, ихъ развить, ихъ, такъ сказать, застраховать отъ всѣхъ случайностей и превратностей жизни. Нельзя также не согласиться, что нынѣ часто и во многомъ замѣчается, можно сказать, вопіющій разладъ между поколѣніями: онѣ, словно, разбиты на два воинственные стана. И если не всегда доходитъ до битвы, то надъ каждымъ изъ этихъ становъ развѣвается враждебное знамя. Въ виду этой печальной междоусобицы, нельзя было намъ не остановиться и не отдохнуть мыслію и чувствомъ на картинѣ, которую представляло намъ семейство графа Бобринскаго. Здѣсь отрадно проявляется примиреніе между минувшимъ, еще не отрѣшившимся отъ настоящаго, и будущимъ, которое уже созрѣваетъ въ настоящемъ, но не отворачивается отъ опытности и отъ безпристрастныхъ, строгихъ, но кроткихъ, назиданій ея.

Намъ не достаетъ здѣсь ни времени, ни положительныхъ данныхъ для составленія полнаго біографическаго очерка. Ограничимся на сей разъ нѣкоторыми бѣглыми воспоминаніями и впечатлѣніями, глубоко запавшими въ сердце наше отъ долголѣтней пріязни.

Впрочемъ, и сама жизнь графа Бобринскаго, можетъ быть, не обильна событіями. Можетъ быть, нѣтъ въ ней достаточно тѣхъ драматическихъ движеній, которыя нужны для разнообразія и занимательности біографическаго изображенія. Обстоятельства были вообще благопріятны ему, но не выдвинули они его на особенную ступень, на высоту, которая могла бы господствовать надъ окрестностью.

Онъ былъ свѣтлое, стройное изваяніе, которымъ любовались ближніе и достойные цѣнители изящнаго; оно имѣло свое опредѣленное мѣсто въ уваженіи общества; но судьба не подвела подъ это изваяніе высокаго пьедестала. При всѣхъ общественныхъ преимуществахъ, дарованныхъ ему рожденіемъ, можно сказать, что онъ положеніемъ своимъ былъ обязанъ наиболѣе себѣ самому, а не внѣшней обстановкѣ. Всѣми помышленіями и внутренними силами своими принадлежалъ онъ обществу; болѣлъ и, по возможности, радѣлъ о пользѣ общественной; принималъ живое, теплое, даже пламенное, участіе въ общественныхъ вопросахъ, стоящихъ на очереди; но онъ не имѣлъ случая руководить ими, окончательно разрѣшать ихъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Однимъ словомъ, чтобы говорить оффиціальнымъ и общепонятнымъ для всѣхъ языкомъ, онъ никогда не былъ отдѣльнымъ управляющимъ какою либо вѣтвію государственнаго устройства; но совѣщательный голосъ его былъ часто слышенъ и, вѣроятно, нерѣдко уваженъ. Хотя безъименно, но не безслѣдно прошло участіе его въ разработкѣ многихъ правительственныхъ вопросовъ.

Онъ пользовался особымъ благоволеніемъ Императора Николая I, который зналъ и достойно цѣнилъ способности его, прямодушіе и независимость мнѣній. Нынѣ царствующій Государь наслѣдовалъ отъ Родителя Своего уваженіе и сочувствіе къ характеру графа Бобринскаго. Въ прежнее царствованіе и въ настоящее, онъ часто былъ назначаемъ членомъ въ особые комитеты, имѣвшіе цѣлію разработку финансовыхъ и другихъ государственныхъ мѣръ. Здѣсь невольно рождается вопросъ: почему же, съ умственными способностями его, съ образованностью, съ усердіемъ, которыя были признаваемы Высшею Властію и государственными людьми, не пренебрегавшими его указаніями и мнѣніями, — почему не вышелъ онъ прямо въ правительственныя лица, наравнѣ съ другими, у кормила государства? Дадимъ, по разумѣнію своему, отвѣтъ откровенный. Его подозрѣвали въ нѣкоторыхъ увлеченіяхъ къ утопіи, къ идеологіи. Со времени Наполеона I слово: „идеологія“ не въ чести на языкѣ оффиціальномъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что нелюбовь Наполеона къ такъ называемымъ идеологамъ окончательно не принесла ему много пользы. Не идеологи сокрушили могущество его: сокрушили тѣ же матеріальныя силы, которыми, въ свое время, онъ сокрушалъ другихъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что излишняя отвлеченность въ понятіяхъ не можетъ всегда согласоваться съ дѣйствительностью и настойчивыми ея требованіями. Практика имѣетъ свои необходимые, непреложные условія и законы.

Государственнымъ людямъ, этимъ въ высшей степени практикамъ, блюстителямъ и врачамъ государственнаго тѣла, нѣтъ часто ни времени, ни возможности предаваться теоретическимъ умозрѣніямъ. Положимъ, идеологія неумѣстна на сценѣ дѣйствующихъ лицъ; но въ партерѣ, такъ называемые идеологи могутъ имѣть свое законное мѣсто и быть очень полезны. Они возвышаютъ уровень дѣйствительности, они напоминаютъ правительственнымъ лицамъ, что внѣ текущихъ дѣлъ, и даже надъ самими текущими дѣлами, есть какая то нравственная, если не сила, то, по крайней мѣрѣ, нѣчто такое, которое не худо принимать иногда въ соображеніе. Разумѣется, говорится здѣсь объ идеологахъ благонамѣренныхъ и добросовѣстныхъ. Былъ ли бы графъ Бобринскій болѣе полезенъ прямымъ и личнымъ участіемъ своимъ въ высшей государственной дѣятельности, нежели въ своемъ, такъ сказать, стороннемъ содѣйствіи — это рѣшить трудно. Можетъ быть, Жуковскій и даже самъ Карамзинъ были бы не вполнѣ хорошими министрами, хотя бы и народнаго просвѣщенія. Всякое министерство, кромѣ высшаго значенія своего, есть еще многосложное ремесло, а ремесло не всегда дается и самымъ избраннымъ людямъ. Но не менѣе того можно быть полезнымъ дѣятелемъ по той или другой части, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считаться въ спискѣ высшихъ чиновниковъ того или другаго вѣдомства. Въ кругу и въ размѣрѣ своего призванія, и графъ Бобринскій можетъ тому служить примѣромъ.

Графъ Канкринъ очень уважалъ графа Бобринскаго, служившаго въ министерствѣ финансовъ, хотя и расходился съ нимъ во многихъ мнѣніяхъ. Но къ чести того и другаго, начальникъ не требовалъ безусловнаго подчиненія мыслямъ своимъ, разумѣется, не по исполнительной части, но только въ свободномъ обмѣнѣ мыслей; а подчиненный не уступалъ начальнику своихъ убѣжденій. Впрочемъ графъ Бобринскій, должно сознаться, былъ человѣкомъ увлеченій, но всегда благородныхъ и чистыхъ. Любознательная натура его безпрестанно требовала себѣ пищи: онъ искалъ ее вездѣ. Вся-

кая новая мысль, открытіе, новое ученіе—политическое ли, финансовое, соціальное, гигіеническое—возбуждали въ немъ тоску и лихорадочную дѣятельность любопытства. Ему непремѣнно нужно было вкусить отъ всякаго свѣжаго плода. Онъ съ ревностью, съ горячностью кидался въ новую, незнакомую область, старался изслѣдовать ее, проникнуть въ ея таинства. Ему недостаточно было бы, подобно Колумбу, открыть одну Америку; онъ хотѣлъ бы открыть ихъ нѣсколько. И тутъ, если было бы время впереди, онъ еще не остановился бы, а стремился бы все далѣе. Съ ревностью новообращеннаго, новопосвященнаго въ эти таинства, онъ дѣлался на время ихъ сторонникомъ и провозглашателемъ. Въ немъ былъ избытокъ любознательности, пытливости и дѣятельности. Но чистая душа его, благородство чувствованій и правилъ охраняли его всегда отъ ученій вредныхъ, или отъ крайностей и злоупотребленій всякой теоріи. Добросовѣстность и праводушіе отрезвляли пылъ его умозрительныхъ ненасытностей. Не говорю уже о жадности, съ которой онъ кидался на вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе ученую и общечеловѣческую приманку: онъ покушался часто на извѣданіе и такихъ вопросовъ, которыхъ важность могла казаться сомнительною. Напримѣръ, въ отношеніи къ гигіенѣ, онъ испыталъ на себѣ не знаю, сколько терапевтическихъ ученій по мѣрѣ того, какъ они начинали дѣлаться извѣстными. А между тѣмъ, онъ не былъ ни болѣзненнаго сложенія, ни мнительный больной. Одна любознательность и вѣра въ преуспѣяніе и завоеванія науки дѣлали изъ него добровольнаго и вѣрующаго паціента. Въ Парижѣ усердно занимался онъ одно время магнетизмомъ. Точно ли вѣрилъ онъ въ истину, силу и самобытность магнетизма, или только увлекался его заманчивою таинственностью, — сказать не умѣю. Эти подробности, конечно, имѣютъ небольшое значеніе; но приводимъ ихъ, какъ воспоминанія, какъ частныя и мелкія особенности его личности; для полнаго сходства портрета не должно ничѣмъ пренебрегать; самые тонкіе и мельчайшіе оттѣнки, схваченные вѣрно, содѣйствуютъ сходству съ подлинникомъ. Съ умомъ, склоннымъ ко всему, что́ нынѣ называется позитивизмомъ и утилитаризмомъ, съ умомъ, обращеннымъ наиболѣе къ вопросамъ дѣйствительнымъ и положительнымъ, онъ могъ имѣть и свои суевѣрія. Онъ любилъ выводить истину на свѣтъ Божій, но способенъ былъ гоняться иногда и за призраками въ обаятельномъ сумракѣ волшебнаго лѣса. Въ его богатой натурѣ было много разнокачественныхъ родниковъ. Какъ бы то ни было, запасы опытовъ или попытокъ, изученій, пріобрѣтеній, придавали разговору его обильное и увлекательное разнообразіе. Онъ бывалъ иногда парадоксаленъ; бывало видно, что онъ подъ властію новаго ученія: но такъ много было живости, теплоты искренняго увлеченія въ рѣчи его, что, и не соглашаясь съ нимъ, нельзя было слушать его безъ удовольствія и даже безъ нѣкотораго сочувствія.

Гр. Бобринскій былъ либералъ, въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова. Либерализмъ его былъ нечисто политическій, который можно легко позаимствовать, брать на прокатъ и усвоивать себѣ изъ памфлетовъ и газетъ. Либерализмъ его заключался въ прирожденномъ чувствѣ, во внутреннемъ, никогда неразвлекаемомъ и ничѣмъ не соблазняемомъ служеніи вѣчнымъ началамъ любви человѣческой, законности, правосудности и правомѣрія, которое не имѣетъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ, смотря по тому, какъ приходится судить—направо, или налѣво. Есть либерализмъ, свободолюбіе не чуждое, между тѣмъ, и нетерпимости: оно, и

послѣ Положенія 19-го Февраля, еще хочетъ удержать за собой помѣщичье крѣпостное право надъ чужой мыслью и надъ чужимъ мнѣніемъ. Либерализмъ гр. Бобринскаго былъ другаго свойства и совершенно враждебенъ вышеприведенному. Въ примѣненіяхъ своихъ онъ былъ шире и доброжелательнѣе. Онъ держался своихъ мыслей, старался защищать ихъ, давать имъ ходъ; но онъ никогда не налагалъ ихъ насильственно на другихъ. Въ дѣлѣ промышленности и торговли, ученикъ Канкрина, онъ былъ нѣсколько *протекціонистомъ*; но въ средѣ умственной онъ былъ чистымъ послѣдователемъ Кобдена: онъ былъ искренній сторонникъ и вѣрный приверженецъ свободнаго обмѣна мыслей. На этой свободѣ основывалъ онъ торжество истины. Споры съ нимъ могли быть живы и горячи, но никогда не доходили они до раздраженія и не зарождали злопамятства.

Онъ былъ патріотъ, также въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова, всецѣло преданный отечеству. Но также и патріотизмъ его не имѣлъ узкихъ свойствъ односторонности и исключительности. Русскій душою, онъ былъ Европеецъ по образованности и сочувствіямъ своимъ. Онъ не раболѣпно предавался подчиненію французскому, нѣмецкому или англійскому; но признавалъ, что и Россія есть часть Европы, т. е. признавалъ географическую истину, часто опровергаемую нѣкоторыми изъ нашихъ новѣйшихъ публицистовъ. Онъ считалъ, что не можетъ и не должно быть систематическаго разлада и разрыва между Россіею и всѣмъ тѣмъ, что̀ есть хорошаго и поучительнаго въ Европѣ.

Благодарностью преданный Двору, среди котораго находилъ онъ всегда милостивый и ласковый пріемъ, онъ не былъ тѣмъ, что̀ обыкновенно называется царедворцемъ.

При всей мягкости и утонченной вѣжливости нрава, онъ былъ одаренъ необыкновенною силою воли. Памятниками этой силы остаются по немъ въ Россіи желѣзныя дороги и свеклосахарная промышленность. Онъ родоначальникъ первыхъ и могучій труженикъ, способникъ и распространитель послѣдней. Построенная желѣзная дорога между Петербургомъ и Павловскомъ, первый сей опытъ въ Россіи, существованіемъ своимъ обязана его иниціативѣ и, преимущественно, непреклонному упорству его. Много претерпѣлъ онъ противудѣйствія, много вынесъ бореній для достиженія цѣли своей. Къ чести его относится и то, что въ томъ и другомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ идти наперекоръ начальнику своему, котораго онъ уважалъ и любилъ. Канкринъ, при всемъ обширномъ умѣ своемъ, худо вѣрилъ въ будущія судьбы желѣзныхъ дорогъ и свеклосахарной промышленности.

Въ доказательство того, какъ Бобринскій настойчиво и добросовѣстно преслѣдовалъ всякую цѣль, которую онъ себѣ предназначалъ, приведу слѣдующій примѣръ. Когда поступилъ онъ на службу въ Министерство Финансовъ, по кредитному отдѣленію, онъ спохватился и призналъ, что недостаточно-правильно владѣетъ русскимъ письменнымъ языкомъ. Изъ чиновника сдѣлался онъ, вмѣстѣ съ этимъ, и ученикомъ: засѣлъ за грамматику и чуть ли не затвердилъ наизустъ всю грамматику Греча, которая предъ тѣмъ только что была издана. Онъ упражнялся въ изученіи языка, подобно прилежному гимназисту, желающему перейти въ высшій классъ. Помню, какъ однажды одинъ изъ пріятелей его смѣялся надъ этимъ ученическимъ смиреніемъ, признавая его вовсе не нужнымъ. Дѣло пошло на споръ. Бобринскій предложилъ противнику биться объ закладъ, что онъ не напишетъ пяти строкъ безъ ошибокъ. Закладъ состоялся. Онъ продиктовалъ ему двѣ, или три фразы.

На повѣрку вышло, что Бобринскій выигралъ закладъ. Все это происходило съ отмѣнною важностью, не чуждою для зрителя и смѣшной стороны. Но эта черта дорисовываетъ человѣка и такъ и просится въ характеристику его.

II.

Мать графа Бобринскаго, урожденная Унгернъ-Штернбергъ, бывшая въ замужествѣ за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, уединилась, послѣ кончины мужа своего, въ деревню. Тамъ провела она много годовъ, исключительно посвященныхъ благоустройству значительнаго имѣнія мужа, которое оставилъ онъ обремененнымъ долгами и въ безпорядкѣ. Заботясь объ обезпеченіи матеріальной будущей участи своихъ дѣтей, занималась она вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственною ихъ участью, постоянными стараніями о ихъ воспитаніи и образованіи. Въ томъ и другомъ отношеніи, попеченія нѣжной матери увѣнчались успѣхомъ. Устроивъ хозяйственныя дѣла свои, переселилась она въ Петербургъ. По склонностямъ своимъ и умѣнью жить, графиня была рождена для общества. До кончины своей жила она открытымъ домомъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. „Жить открытымъ домомъ“— выраженіе, нынѣ почти непонятное. Истолкованія ему должно искать въ преданіяхъ, а преданія у насъ скоро стираются. Графиня жила жизнью общежительною, гостепріимною. Она веселилась весельемъ другихъ. Всѣ добивались знакомства съ нею, всѣ ѣздили къ ней охотно. А она принимала всѣхъ такъ радушно, — можно сказать, такъ благодарно, какъ будто мы ее одолжали, а не себя, посѣщая ея домъ. Въ обѣихъ столицахъ давала она праздники. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечатокъ вкуса и художественности. Не жалѣть денегъ на праздникъ еще ничего не значитъ. Въ званіи, въ обязанностяхъ гостепріимной хозяйки дома есть, безъ сомнѣнія, своя доля художества: тутъ надобно призваніе и умѣніе, пріобрѣтаемое опытностью. Эти свойства, эта наука мало-по-малу пропадаютъ. Кто-то замѣтилъ, что общество, что эта гостепріимная, неутральная область, которую встарину называли „салономъ“, утратила нынѣ свою обаятельную прелесть и силу, съ тѣхъ поръ, что не стало *женщины*. Разумѣется, и теперь встрѣчаются милыя и любезныя женщины; но характеръ, но типъ женщины исчезъ. Этой властительницы, этой царицы свѣтской общежительности уже нѣтъ. Она сошла или низвергнута съ престола своего. Кстати здѣсь замѣтить, что для полнаго владычества въ этомъ салонномъ царствѣ, женщинѣ не нужно быть первой молодости, и даже не второй. Молодость живетъ болѣе для себя, молодость себялюбива. Нѣтъ, лучше, если хозяйка дома въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе безпристрастномъ и безкорыстномъ. Можетъ она благополучно царствовать и до глубокой старости, какъ мы это видимъ изъ мемуаровъ французскаго общества послѣдней половины минувшаго столѣтія, т. е. до революціи. Гр. Бобринская имѣла много изъ тѣхъ качествъ и дарованій, которыя даютъ и освящаютъ эту власть.

Графъ А. А., рожденный и воспитанный въ этой средѣ, въ этой благорастворенной атмосферѣ, проникнулся и пропитался ею. Нельзя было найти и придумать собесѣдника, болѣе его пріятнаго, вѣжливаго, болѣе уважающаго того, съ которымъ онъ велъ бесѣду. Когда послѣ самъ зажилъ домомъ, онъ явилъ себя послѣдователемъ, достойнымъ образца своего. Домъ его привлекалъ и собиралъ въ себѣ избранное общество. Приглашалъ ли онъ гостей на свои обѣды или вечера, онъ умѣлъ подбирать, т. е. сортировать гостей своихъ, не столько

по чинамъ, сколько по внутреннему ихъ сходству и сочувствію. Онъ принималъ участіе въ разговорѣ, но не присвоивалъ себѣ въ немъ львиной части и монополіи. Онъ не подчинялъ разговора своему лозунгу, не настраивалъ его подъ свой собственный камертонъ. Каждый держался своего: и эта разноголосица имѣла свою прелесть и окончательно свою гармонію. Князь Козловскій, умный и свѣтскій человѣкъ по превосходству, говорилъ, что умѣнье слушать есть одно изъ первыхъ отличій благовоспитаннаго человѣка. Въ самомъ пылу разговора и сшибки противорѣчащихъ мнѣній, Бобринскій отличался этимъ умѣньемъ.

Въ отношеніи общежительно-хозяйственной науки дѣйствовалъ онъ не одинъ. У него была помощница, его достойная. Графиня Софія Александровна Бобринская, урожденная гр. Самойлова, была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. Есть женскія прелести, такъ-сказать, завоевательныя и побѣдоносныя. Передъ ними и къ ногамъ ихъ кладемъ оружіе съ какимъ-то самолюбіемъ и самодовольствіемъ. Намъ лестно, мы почти гордимся тѣмъ, что удостоились побѣжденія. Есть другія женщины, которыхъ прелесть и власть, такъ-сказать, притягательны. Онѣ не завоевываютъ, не ищутъ побѣды: а просто, невольно, нечувствительно, какъ будто безсознательно, поддаешься ихъ власти. Если позволительно заимствовать такое уподобленіе, то мы сказали бы, что есть женщины, которыя, „*какъ лиліи, не трудятся, не прядутъ*“, но просто красуются и благоухаютъ. Этой прелестью въ высшей степени обладала гр. Бобринская. Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный, свѣжій, совершенно-женственный умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у Двора Императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой была она фрейленой, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна угадала ее по сочувствію и сблизилась съ нею. Этому и слѣдовало быть. Въ ней также таилась не многимъ замѣтная поэтическая струя (здѣсь подъ именемъ поэзіи разумѣемъ все свѣтлое, все возвышенное и чистое, присущее душѣ человѣческой и въ особенности женской). Императрица часто съ нею видалась и вела постоянную переписку. Сколько въ этихъ письмахъ должно таиться драгоцѣнныхъ царскихъ жемчужинъ и чисто человѣческихъ сокровищъ! Какъ не пожалѣть, что подобныя драгоцѣнности остаются подъ спудомъ! Сколько неизвѣстныхъ намъ подземныхъ родниковъ ожидаютъ еще воздуха и свѣта! Часто при жизни знаемъ мы людей по одной ихъ внѣшности и обстановкѣ; по этимъ наружнымъ знакамъ и судимъ о нихъ. Мы знаемъ и видимъ только то, что̀ лицомъ къ лицу обращено къ обществу. Бываетъ — хотя и рѣдко—что, вопреки извѣстной поговоркѣ, обратная сторона медали еще прекраснѣе и драгоцѣннѣе лицевой стороны. Не всѣмъ даны случаи и умѣнье заглядывать во внутренніе тайники и святилища. Можно намъ позавидовать внукамъ нашимъ, которымъ, можетъ быть, сдѣлаются доступны эти пока потаенныя сокровища: имъ, можетъ быть, нѣкогда посчастливится раскрыть эти родники и утолить жажду свою ихъ свѣтлою и прозрачною свѣжестью.

Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди

общества, среди столицъ, жила какою-то отдѣльною жизнію—домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственною дѣятельностью; она, такъ сказать, издали и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и проницательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились не многіе, но избранные. Сходились люди, которымъ потребно было послѣ заботъ, а иногда и пустыхъ развлеченій дня, насладиться часъ или два пріятнымъ разговоромъ, обмѣномъ мыслей и впечатлѣній. Молодые люди могли тутъ научиться свѣтскимъ условіямъ вѣжливаго и утонченнаго общежитія. Дипломаты, просвѣщенные путешественники находили тутъ осуществленіе преданій о томъ гостепріимствѣ, о тѣхъ салонахъ, которыми нѣкогда славились западныя столицы. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей любили тутъ искать и находить не тупое и праздное, а умственное отдохновеніе отъ трудовъ, а иногда и докукъ, своей дневной дѣятельности. Графъ Несельродъ занималъ тутъ едва ли не первое мѣсто. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ были двѣ натуры: одна—совершенно оффиціальная и дипломатическая, способная и прилежная къ государственной работѣ, къ благоразумному разрѣшенію, а подъ часъ и ловкому обходу, высшихъ политическихъ задачъ, холодная, осторожная, вѣчно безотвѣтная на всѣ вопросы нескромнаго любопытства. На безстрастномъ лицѣ его была какъ будто врѣзана надпись, въ родѣ Дантовской: „Вы, которые приступаете ко мнѣ, *оставьте надежду* что нибудь узнать отъ меня.“ Эта натура была, такъ сказать, мундиръ его: онъ снималъ ее съ плечъ по окончаніи служебной дѣятельности. Тутъ запиралъ онъ ее вмѣстѣ съ дѣлами и бумагами подъ ключъ въ свой письменный столъ. Кажется, еще глубже и крѣпче запиралъ онъ въ особенный, потаенный ящикъ ума своего заботы, мысли и самую память о дѣлахъ. Тогда пробуждалась и выходила на смѣну первой другая натура, болѣе сообщительная, даже веселая и радушная. Тогда, и въ старости, проявлялась въ немъ молодость съ ея живыми потребностями и воспріимчивостію. Онъ любилъ поэзію, цвѣты, театръ, музыку; онъ любилъ дамское общество, чуждое политическихъ притязаній на обсужденіе современныхъ вопросовъ. Съ этими вопросами онъ уже разъ покончилъ, выходя изъ своего кабинета, и не хотѣлъ вечеромъ быть снова на стражѣ и на часахъ, чтобы отбиваться отъ приступовъ политической назойливости. Салонъ гр. Бобринской былъ любимымъ пріютомъ его. Здѣсь наслаждался онъ затишьемъ и тихою радостью прекраснаго вечера. Непосредственно за именемъ гр. Нессерольда могло-бы слѣдовать другое имя, которое сочувственно и родственно складывается съ именами графини и графа Бобринскихъ. Но мы здѣсь о живыхъ говорить не хотимъ. Мы исключительно остаемся въ тихомъ пристанищѣ и объемѣ некрологическихъ границъ.

Мы уже замѣтили, что графиня была домосѣдка. Мужъ ея охотно принималъ гостей у себя, но и самъ охотно ѣздилъ въ общество. Въ теченіи многихъ лѣтъ, былъ онъ постояннымъ и блестящимъ посѣтителемъ столичныхъ собраній Петербурга и Москвы. Утро его посвящено было пытливости, ученію и хозяйственнымъ дѣламъ, которыя, по обширности и многосложной спеціальности, требовали неусыпныхъ заботъ. Было время: утро его было исключительно посвящено службѣ. Помню, какъ мы съ нимъ по сосѣдству просиживали утро за департаментскимъ столомъ — онъ въ канцеляріи по кредитной части, я по департаменту внѣшней торговли. Въ

промежуточныя минуты, *рекреаціи*, выбѣгали мы другъ къ другу, чуть-ли не съ перомъ за ухомъ, чтобы обмѣниваться нѣсколькими пріятельскими словами и условливаться, какъ бы и гдѣ бы встрѣтиться въ теченіи дня. Послѣ урочныхъ часовъ (должно признаться, что онъ всегда позднѣе меня засиживался) отряхивали мы съ себя—онъ кредитныя, я таможенныя числа и, оправляя крылья свои, вылетали изъ своихъ клѣтокъ на чистый воздухъ. Часто встрѣчались мы съ нимъ въ кабинетѣ графа Канкрина, но уже не чиновниками, а внимательными слушателями его живой, остроумной и всегда своеобразной рѣчи. Встрѣчались мы часто и въ домѣ графа и графини Фикельмонъ, которые оставили у насъ по себѣ незабвенную память. Ихъ салонъ былъ также европейско-русскій. Въ немъ и дипломаты и Пушкинъ были дома. Въ то время было нѣсколько подобныхъ общественныхъ средоточій, о которыхъ нынѣ можно сказать: „преданья старины глубокой.“ Бобринскій любилъ женскую аудиторію. Рѣчь его была свободна, иногда цвѣтиста, но чужда всякаго педанства. Онъ довольно охотно и слегка преподавалъ слушательницамъ любимые предметы своего ученія и новыхъ открытій.

Такъ протекли многіе годы. Въ 1856 году Бобринскій отправился въ свое Кіевское помѣстье, куда нерѣдко вызывали его потребности личнаго хозяйственнаго надзора. Тутъ заболѣлъ онъ и заболѣлъ опасно. По первому извѣстію о томъ, графиня, почти никогда не выѣзжавшая изъ Петербурга, отправилась къ мужу. Съ этой поры наступилъ рѣшительный переломъ въ ихъ образѣ жизни. Со дня отъѣзда ея, всѣмъ намъ знакомые и привлекательные домъ въ Галерной улицѣ и дача на Каменномъ острову опустѣли. Хозяева ихъ окончательно остались въ деревнѣ. Блестящая Петербургская жительница перенесла въ свое уединеніе склонности, привычки, всю внутреннюю и внѣшнюю обстановку своей прежней жизни. Мнѣ не удалось навѣстить ихъ, но я увѣренъ, что тамъ устроилась эта vie de château (выраженіе, едва переводимое на русскій языкъ и пока на русскую дѣйствительность), которою мы такъ любуемся въ хорошихъ англійскихъ романахъ. Тутъ, во всей стройной полнотѣ хорошо придуманной домовитости, складывается и перерождается свѣтская жизнь: она очищена отъ всѣхъ столичныхъ повинностей и тягостей, но сохраняетъ всѣ вещественныя и умственныя удобства, не исключая и прихотей. А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ и независимость, и досуги, и спокойствіе жизни деревенской.

Около десяти лѣтъ не видались мы съ Бобринскимъ, даже не было между нами и письменнаго сообщенія. Нечаянно судьба свела насъ въ Петербургѣ: онъ пріѣзжалъ на время изъ деревни, я возвращался изъ-за границы. Мы встрѣтились, какъ будто разстались вчера, какъ-будто продолжая только-что прерванный разговоръ. Въ этотъ пріѣздъ онъ возобновилъ свои прежнія связи. Нечего и говорить, какъ пріятели его ему обрадовались. Они убѣдились, что года и болѣзнь не остудили прежняго пыла его, не истощили живыхъ запасовъ внутренней его бодрости. Въ старомъ, то есть постарѣвшемъ, Бобринскомъ нашли мы прежняго Бобринскаго, съ нѣкоторыми оттѣнками съ лѣтами нажитой опытности. Онъ былъ какъ-будто еще болѣе кротокъ, доброжелателенъ и дружелюбенъ. Конецъ пребыванія его между нами омраченъ былъ великою скорбью. Нечаянный и роковой ударъ поразилъ его въ самую глубь сердца; болѣзненно отозвался онъ и въ насъ. Онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ нѣжно-любимой жены своей. Отправившаяся изъ Россіи для возстановленія разстроеннаго здоровья, она умерла въ Парижѣ. Ихъ, нѣсколько лѣтъ соеди-

ненныхъ въ деревнѣ общею и постоянно-неразрывною жизнію, судьба разлучила, казалось, на время, какъ будто съ тѣмъ, чтобы она предъ кончиною своею не имѣла отрады пожать на прощаніи дружескую и милую ей руку, чтобы онъ не могъ оказать ей послѣднія нѣжныя заботы и принять послѣдній вздохъ жизни, ему цѣло, нѣжно и свято преданной.

Позднѣе съѣхались мы съ нимъ лѣтомъ 1867 года въ Ливадіи, гдѣ прожилъ онъ недѣли двѣ гостемъ Царскаго Семейства. Тутъ опять, разумѣется, были мы съ нимъ неразлучны: гуляли по живописнымъ окрестностямъ, вспоминали свою старину и другъ другу повѣряли свои потаенныя мысли и чувства.

Лѣтомъ 1868 года неожиданно встрѣтилъ я его въ Москвѣ. Онъ пріѣзжалъ туда печатать книгу свою: „*О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли къ Россіи.*“ Не признавая себя законнымъ судьей подобнаго труда, не буду оцѣнивать его. Около двадцати лѣтъ прослужилъ я по вѣдомству министерства финансовъ; но, долженъ я сознаться, служилъ не по призванію, а по обстоятельствамъ. По мѣрѣ силъ и способностей своихъ старался я исполнять обязанность свою усердно и добросовѣстно, но исполнялъ ее безъ увлеченія, безъ вдохновенія: а нѣкоторая доля вдохновенія нужна и въ примѣненіи къ самымъ сухимъ занятіямъ. Въ этомъ-то и заключалось особенное свойство Бобринскаго. Онъ съ вдохновеніемъ, со страстью принимался за всякое дѣло. Вычисленія, цыфры не пугали его. Но для меня истина цыфръ казалась всегда самою головоломною, наименѣе привлекательною, и даже наименѣе убѣдительною истиною. Онъ находилъ въ нихъ рычагъ, которымъ поднималъ и разрѣшалъ жизненные вопросы гражданскаго устройства: политическая экономія, статистика живутъ, дѣйствуютъ, господствуютъ цыфрами. Въ молодости и зрѣломъ возрастѣ, можетъ быть, Бобринскій и носилъ въ себѣ нѣкоторые зародыши благороднаго честолюбія; но съ умиротвореніемъ годовъ и при опытности жизни они дальнѣйшихъ ростковъ не пустили, а окончательно заглохли. Слѣдовательно, въ появленіи книги его непозволительно искать тайныхъ помышленій и личныхъ видовъ. Справедливѣе будетъ признать въ этомъ дѣло честнаго и добросовѣстнаго труженика. Ею достойно завершилъ онъ свою многостороннюю дѣятельность, свое желаніе и всегдашнее стремленіе быть полезнымъ обществу.

Странное и грустное сближеніе обстоятельствъ! Графиня Бобринская, прожившая послѣдніе года неразрывно, такъ сказать, рука въ руку и, за нѣкоторыми временными исключеніями, съ глазу на глазъ съ мужемъ,— умираетъ вдали отъ него. Онъ, почти постоянно имѣвшій при себѣ, въ деревнѣ своей, часть своего семейства, умираетъ одинъ. Сыновья его только-что разъѣхались. Одинъ изъ нихъ съ своимъ семействомъ провелъ у него нѣсколько мѣсяцевъ и долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Другой, неожиданно и по собственной волѣ отправился на дняхъ въ Америку, съ цѣлью изучать систему американскихъ желѣзныхъ дорогъ, для возможнаго примѣненія ихъ къ нашимъ. Третій сынъ былъ также въ отсутствіи. Зная Бобринскаго, можно угадать, какъ отрадна была ему поѣздка сына за дальній океанъ, не простопутешественникомъ, а искателемъ пользы. Въ немъ могъ узнать онъ кровь и плоть свою, духъ и предпріимчивость.

III.

Не все сказали мы о Бобринскомъ, что́ можно было бы сказать. Но надѣемся, что и сказаннаго нами достаточно, чтобы нѣсколько ознакомить и

сочувственно сблизить съ нимъ незнавшихъ его, а предъ тѣми, которые знали его и были ему пріятелями, возсоздать въ легкомъ очеркѣ нѣкоторыя черты этого милаго и незабвеннаго спутника и товарища нашего.

Другимъ, болѣе свѣдущимъ цѣнителямъ, предоставляемъ мы задачу опредѣлить въ исторіи промышленности нашей и вообще нашего экономическаго развитія мѣсто, которое ему достойно подобаетъ. А на такое мѣсто имѣетъ онъ, безъ сомнѣнія, полное право. Онъ положилъ первыя желѣзные рельсы на русской почвѣ. Это была попытка, которой важность и богатыя послѣдствія должны были обнаружиться позднѣе. Онъ поступилъ съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ съ ребенкомъ,—сперва заманивая его, словно игрушкою. Онъ устроилъ желѣзный путь между Петербургомъ и увеселительнымъ Павловскимъ воксаломъ. Но онъ предчувствовалъ, что рельсы его разростутся. Онъ разчелъ, что удобство, съ которымъ можно прокатиться до Павловска, родитъ желаніе съ такимъ же удобствомъ прокатиться до Москвы, и такъ далѣе. Въ этой попыткѣ, какъ въ могущественномъ зародышѣ, таилось до времени сближеніе Балтійскаго моря съ Чернымъ, промышленныхъ нашихъ областей съ хлѣбородными—однимъ словомъ, таились новыя звѣнья, которыми русская дѣятельность прочно и плодотворно связывалась съ дѣятельностью всемірною. Предчувствіе его долго не разрѣшалось отъ бремени. Но онъ отъ него не отказывался, онъ не отчаявался въ немъ. Онъ дожилъ еще до той отрады, что могъ видѣть и убѣдиться въ томъ, что съ легкой руки его и съ первоначальной мысли его, дѣло пошло въ ростъ и въ даль.

Свекловично-сахарная промышленность извѣстна у насъ уже съ начала столѣтія, но только въ видѣ частныхъ и робкихъ начинаній. Бобринскій вынесъ ее на плечахъ своихъ и далъ ей важность и размѣры государственной промышленности. Водвореніе въ какой нибудь мѣстности промышленности обширной и значительной есть не только личное предпріятіе и частная спекуляція: оно вмѣстѣ съ тѣмъ истинное и общее благодѣяніе для края, по которому она разливается. Въ сторонѣ малолюдной, безжизненной она создаетъ средоточіе дѣятельности, новой жизни; привлекаетъ къ себѣ, воплощаетъ въ себѣ частныя и личныя силы, остающіяся праздными въ своемъ единичномъ безсиліи. За такимъ водвореніемъ промышленности, человѣчески и разумно постигаемой, послѣдовательно возникаютъ мастерскія, училища, больницы. Кругомъ разносится благосостояніе, улучшается, просвѣщается смиренная и скудная доля работника. Тѣмъ важнѣе, тѣмъ плодотворнѣе польза подобной промышленности, когда она вызывается изъ нѣдръ естественной почвы, когда почерпаетъ она пособія и силы свои въ распространеніи и улучшеніи земледѣлія. Въ этомъ отношеніи, графъ Бобринскій многое сдѣлалъ для многихъ въ живой средѣ частной своей дѣятельности. Этою дѣятельностью, еще во время оно, возвысилъ онъ и нравственно облагородилъ званіе и права помѣщика.

Эти заслуги его предъ Россіею должны быть приведены наукою въ извѣстность и въ цыфры. Мы уже откровенно и смиренно признались, что этотъ трудъ намъ не по силамъ и не по нашей части (*).

(*) Въ числѣ предшественниковъ Бобринскаго, по сахарной промышленности, нельзя забыть нашего общаго съ нимъ пріятеля, Дмитрія Александровича Давыдова. Онъ также положилъ въ нее много лѣтъ, много усилій и трудовъ и много денегъ,—едва ли не все свое благосостояніе, заключавшееся въ милліонѣ рублей ассигнаціями. Удача не вознаградила его усердія и пожертвованія; но и самыя неудачи, тяжкія для того, кто ихъ понесъ, могутъ служить полезнымъ указаніемъ и предостереженіемъ для другихъ: слѣдовательно, также имѣютъ свою общую пользу.

Въ нашихъ воспоминаніяхъ мы не имѣли цѣлію выставить вполнѣ общественную и государственную дѣятельность графа Бобринскаго; мы только хотѣли обрисовать его личность и указать на любезныя и благородныя свойства, которыя въ общественной жизни—нравственной и гласной—давали ему полное право на уваженіе и любовь современниковъ. А современникамъ предстоитъ обязанность замолвить о такомъ человѣкѣ, хотя и частнымъ образомъ, доброе и памятное слово грядущимъ поколѣніямъ.

Князь Вяземскій.

Царское Село.
Октябрь. 1868.